

УДК 1:316
ББК 60.028

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ

А.Н. Лахвицкий

Данная работа является попыткой представить процесс становления исторического текста в его сосуществовании с мифологическим текстом. Выявлены или уточнены аспекты и условия функционирования исторического текста в античном обществе, мотивы и ценностные ориентиры создателей исторических текстов. Представлен возможный путь разрешения аксиологического кризиса на примере обращения к традиции и ее синтеза с новациями.

Ключевые слова: *исторический текст, мифологический текст, античность, традиция, социальный механизм, социальная трансформация, мимесис.*

Исследование исторического текста в его социально-философском аспекте обретает актуальность ввиду кризиса идентичности, явившегося результатом размывания социокультурных границ, акцентуации полицентризма и равноценности локальных культурных линий в мире, формирования глобального информационного сообщества посредством виртуализации и визуализации информационных потоков. Все эти явления ведут к пересмотру или утрате традиций, созданию гипертекстуального пространства. Исторический текст как источник культурных идентичностей и основной механизм поддержания устойчивости социальной традиции предстает в качестве одного из важнейших объектов социально-философской рефлексии.

Поскольку исторически усложнение социальных систем привело к росту и усложнению генерируемых ими знаково-символических систем, считаем целесообразным обращение к начальной фазе развития исторического текста для выявления первичных его модификаций. Постепенное выделение человека из природы (и изменение условий жизни, создавшее новые вызовы для человеческого общества), накопление эмпирического знания об окружающем мире – все это привело к ро-

сту объемов культурной информации и поиску новых форм и механизмов ее консервации и трансмиссии. Первоначально такой формой был мифологический текст, а механизмом – устная речь. Стремление понять причины всего в окружающем мире и сам мир в его целостности, желание преодолеть страх, получить власть через знание, осознание себя частью природы и в то же время чем-то целым – все эти эмоционально-волевые мотивы двигали человеком в осознании отношения его с природой [6, с. 40–41] и поддержании единства социальных групп [там же, с. 45]. Мифологические тексты передавались из поколения в поколение в повседневном общении пока/если не были записаны. Поэтому в бесписьменных обществах память обладает силой, определяющей социальный статус субъекта [7, с. 154]. И «когда умирает старый человек, горит целая библиотека» [там же, с. 156]. По мере накопления социального опыта и осознания несоответствия реальности заложенной в мифологический текст информации эвристический аспект мифа терял свою актуальность. Неспособность мифологического текста ответить на вызовы времени и появление возможности на основании эмпирических данных и здравого смысла дать рациональное объяснение явлениям и процессам окружающего мира вело к осознанию необходимости создания текста с иными специфическими чертами. С появлением письменного текста трансмиссия информации перестала ограничивать-

ся локальными пространственно-временными рамками. Он стал выполнять интегративную функцию более эффективно и явился предпосылкой к формированию исторического текста. Полной замены мифологического текста историческим в социальной коммуникации не происходило. Но можно говорить о копировании некоторых элементов из одного текста в другой в процессе их сосуществования. Мимесис объясняется тем, что первоначально в мифологическом тексте находилась в диффузном состоянии вся совокупность знаний человека о мире. Дифференциация его на собственно мифологический, философский, исторический, литературный и другие виды текстов происходила постепенно, как и процесс концептуализации, с существованием переходных форм. Промежуточными формами между историческим и мифологическим текстом были мемуары, хроники, данные распросов и наблюдений, биографии, изыскание причин, эпосы [8, с. 572]. Это важно учесть при рассмотрении того факта, что уже на этапе становления исторического текста в античной Греции существовало множество трактовок понятия «история» и множество терминов («сочинение», «записанное для памяти», «летопись», «труд», «связь», «изыскание» [12, с. 443]), выражающих это понятие, причем термины не всегда отвечали смысловому наполнению понятия. А.А. Тахо-Годи выделила такие древнегреческие традиции употребления исторического текста, как ионийская («исследование», «знание», «изучение причин», «рассказы о конкретном событии») и аттическая (по Платону: «то, что делает окружающие нас предметы добродетелью, светом, умом или тем, что превращает беспорядочную текучесть в организованную структурно-ясную целостность»; по Аристотелю: «изображение единичного» момента времени или события, истинное знание) [там же, с. 449, 455–456]. Вопрос о коннотативно-денотативных характеристиках исторического текста на раннем этапе его генезиса весьма важен, поскольку: 1) любое знание неразрывно связано с порождающей его реальностью, актуально и может быть понято во всей полноте лишь в ее контексте; 2) позволяет выявить структуру связей между объектом и субъектом, реальностью и ее информационном вы-

ражением в социальном пространстве; 3) именно тогда были заложены основные традиции его применения и векторы развития.

Назначение исторического текста в античной Греции было в большей мере прагматическим [10, с. 16–17]: донесение до современников и потомков конкретной информации (как фактического, так и морального характера), сохранение в социальной памяти определенного образа прошлого. Переходными формами от мифологического к историческому тексту были кикилические поэмы (разрабатывавшие отдельные сюжеты из произведений Гомера) [11, с. 28], логос (*греч.* Λογος «слово, прозаический рассказ»). Тематика произведений логографов (авторов первых прозаических сочинений) сводилась к описаниям конкретных греческих полисов и областей. Для античности в целом характерна акцентуация мифологического, топографического, бытописательного, политического, этнического аспектов исторического дискурса. Это определяется не столько специфической направленностью восприятия реальности, сколько самим стремлением выделить из окружающего мира свою землю, общину, дав им, таким образом, бытие в социальной памяти и вечности, как они себе это представляли. Возможно, греки посредством письменного исторического текста пытались объединить разбросанное по всей ойкумене (колонии и полисы) греческое население. Это своеобразный способ установления границ жизненного пространства своей культурной общности, берущий начало еще в устном мифологическом тексте.

Гекатей Милетский был одним из основателей логографической традиции и первым спроецировал принципы существования природы на человеческое общество в письменном историческом тексте, сформулировав идею некоторого единообразия протекающих в них процессов. Основываясь на данных «народного эпоса, преданий, бытовой новеллы, генеалогических и мифологических рассказов, описаний путешествий и местных хроник», Гекатей предпринимал попытки синтеза теоретического и эмпирического уровней познания. Он и его современник Гелланик Митиленский с помощью здравого смысла и жизненного опыта отсеивали все неправдоподоб-

ное в мифологическом тексте. Несмотря на осознание расхождения сакрального и профанного пространств (линией разлома являлась социальная реальность), они считали диалог богов и людей рационально осуществимым.

Отличие младшего современника Гекатея и Гелланика Геродота от логографов (и, как следствие, предпосылка перехода на новый уровень исторической рефлексии), которые ограничивали объект своих описаний отдельными личностями, локальными местностями и этническими группами, заключается в стремлении к системному сравнительному описанию с элементами анализа всего известного ему мира (истории всей ойкумены), причем он синтезировал данные личного опыта (путешествуя по странам всего известного тогда мира, исследовал путем расспросов и наблюдения жизнь, религию, культуру населявших их народов), не подвергая, впрочем, строгой верификации [4, с. 9]. Интерес представляет мотивация Геродота в его обращении к написанию «Истории»: «Чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности» [там же, с. 35]. Характерен описательный стиль с цитированием и раскрытием эмоционально-психологического состояния, указанием черт характера выделяемых автором персонажей. На первый план выступает выделение основных причинно-следственных связей, причем повествование строится на мемуарно-легендарных данных, без указания источников, однако подразумевается их истинность. История Геродота строится из «случаев» – сон, стечение обстоятельств, воля людей или богов, повседневные дела. То есть история сводится к описанию всего, что случается изо дня в день, лишь более прочего влияя на ход событий [там же, с. 36]. Современник Геродота – Фукидид причислял его к логографам, выделяя особо историков, занимавшихся поиском истины, передачей реальных событий, а не красотой форм и образов [там же, с. 6]. Он проводит демаркационную линию между мифологической, литературной традициями и собственно исторической, основателем которой считает себя [4, с. 6].

Мотивацией Фукидида в написании и выборе сюжетов исторического текста является основанное на интуитивном предвидении стремление обратить внимание будущих поколений на необходимость установления справедливого социально устройства [там же, с. 205]. Он первым из историков ставит вопрос о субъекте истории – человеке, в отличие от мифологических персонажей в текстах логографов.

К элементам мифологического текста еще относились циклическое время, олицетворение социально-политических процессов (рождение-развитие-гибель государств), описание происхождения объекта как способ раскрытия его сущности, новшествами же исторического текста были десакрализация субъектов и объектов традиции, расширение-сужение предмета повествования, рационализация, критическое отношение к передаваемой информации [8, с. 573]. Опыт многих поколений, традиция принимались на веру и не нуждались в проверке. С.С. Аверинцев также указал на многочисленность жизнеописаний философов, поэтов, политических деятелей в период античности, что говорит о социальной значимости в античном обществе морализаторской информации, воспроизводстве образцов поведения через биографическое повествование, обращение к авторитетам [9, с. 141]. Эта черта также говорит о сохранении в историческом тексте некоторых элементов мифологического. А по мнению А.Я. Гуревича, обращение к мифологии и эпосу исследуемого общества как к источнику представления о его мировоззренческих (религиозных, аксиологических, ментальных, культурных) аспектах дает свои результаты в исторической реконструкции [3, с. 5]. Важнейшим достижением этого периода является «открытие» времени как формы изменения общества, которой не существовало в чистом виде в мифологическом тексте. Миф – это рассказ о том, что было-есть-будет одновременно, время растворено в нем и оживает лишь в диалоге мифического текста и человека. «Миф лишает предмет, о котором он повествует, всякой историчности», – пишет Р. Барт [1, с. 121]. Гиппий Элидский впервые ввел временное исчисление по олимпиадам, дав начало хронологии, что было необ-

ходимым условием исторического текста, привязкой его к конкретно-временным характеристикам и «исхода» из мифа. А возможность хронологии и точность в передаче информации о реально существовавшем событии во времени неразрывно связаны с письменностью [2, с. 135]. Ксенофонт, выстраивая хронологию войны греческих полисов, выводит причинно-следственную связь из действий отдельных людей или целых групп без упора на сакральный аспект. Цельные рассказы переходят из одного в другой, и, казалось, бессвязные отрывки сливаются в единое полотно истории [4, с. 405].

Исторический текст в другом культурном центре того времени – Риме конституировался из летописей (анналов – записей по годам), привязанных хронологически к правлению консулов или жрецов [там же, с. 18]. Его специфика – риторичность и морализаторство [там же, с. 19]. Мотивация написания исторических текстов в римской традиции мало отличается от греческой, впрочем, это говорит скорее о миметическом ее характере по отношению к последней. Полибий руководствовался стремлением к актуализации и консервации выработанных римской традицией моделей общественного развития как носящих идеальный и универсальный характер. А Гай Саллюстий Крисп выявляет проблему выбора языковых средств и релятивизма в оценках современников и потомков [5, с. 9]. Это говорит о глубокой рефлексии общественного развития и формировании определенных моделей поведения. Но дифференциация исторического и мифического текстов не завершилась и в римской традиции. Тит Ливий пишет: «Древности простительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов. <...> Народу позволительно освящать свое происхождение и возводить... к богам» [5, с. 51].

Смысловая ориентация исторического текста направлена в указанный период на устранение «нестыковок» между пространствами мифической и социальной реальностей. Коннотативно-денотативные характеристики исторического текста выражаются в

сильной социетальной связи, идеализации традиции, дискурсивном освоении окружающего мира. Необходимо отметить хронологическую непрерывность в трудах историков античности: это выражается в прямом продолжении или дополнении событийной линии. Приступая к написанию исторического текста, логограф или историк изучал наследие предшествующих поколений, компилятивно (практически без критики и изменений) включая его в свое сочинение. Они ощущали свое преемство по отношению к делу своих предшественников, участвуя в конструировании и поддержании традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бэском, В. Мифо-ритуальная теория / В. Бэском // Обрядовая теория мифа : сб. науч. тр. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – С. 133–156.
3. Гуревич, А. Я. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе / А. Я. Гуревич. – М. : Унив. кн., 1999. – 284 с.
4. Историки Античности. В 2 т. Т. 1. Древняя Греция. – М. : Правда, 1989. – 624 с.
5. Историки Античности. В 2 т. Т. 2. Древний Рим. – М. : Правда, 1989. – 640 с.
6. Кессиди, Ф. Х. От мифа к логосу : (Становление греческой философии) / Ф. Х. Кессиди. – М. : Мысль, 1972. – 312 с.
7. Коул, М. Культура и мышление : Психологический очерк / М. Коул, С. Скрибнер. – М. : Прогресс, 1977. – 261 с.
8. Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. Т. 1. – М. : Большая Рос. энцикл., 2003. – 671 с.
9. Ракитов, А. И. Историческое познание: системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. – М. : Политиздат, 1982. – 303 с.
10. Савельева, И. М. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб. : Наука, 2003. – 632 с.
11. Сергеев, В. С. История Древней Греции / В. С. Сергеев. – СПб. : Полигон, 2002. – 704 с.
12. Тахо-Годи, А. А. Греческая культура в мифах, символах и терминах / А. А. Тахо-Годи, А. Ф. Лосев. – СПб. : Алетей, 1999. – 717 с.
13. Фукидид. История / Фукидид. – М. : Ладомир : АСТ, 1999. – 736 с.

HISTORICAL TEXT: ON THE PROBLEM OF DEVELOPMENT

A.N. Lakhvitsky

The author presents the historical text development process in its coexistence with the mythological text. The aspects and conditions of the historical text functioning in an antique society, motives and key points of historical texts' authors are revealed or specified. The possible way of solving the axiological crisis based on tradition and innovations synthesis is put forward.

Key words: *historical text, mythological text, antiquity, tradition, social mechanism, social transformation, mimesis.*